

TRE INCONTRI (ТРИ СВИДАНИЯ)

di

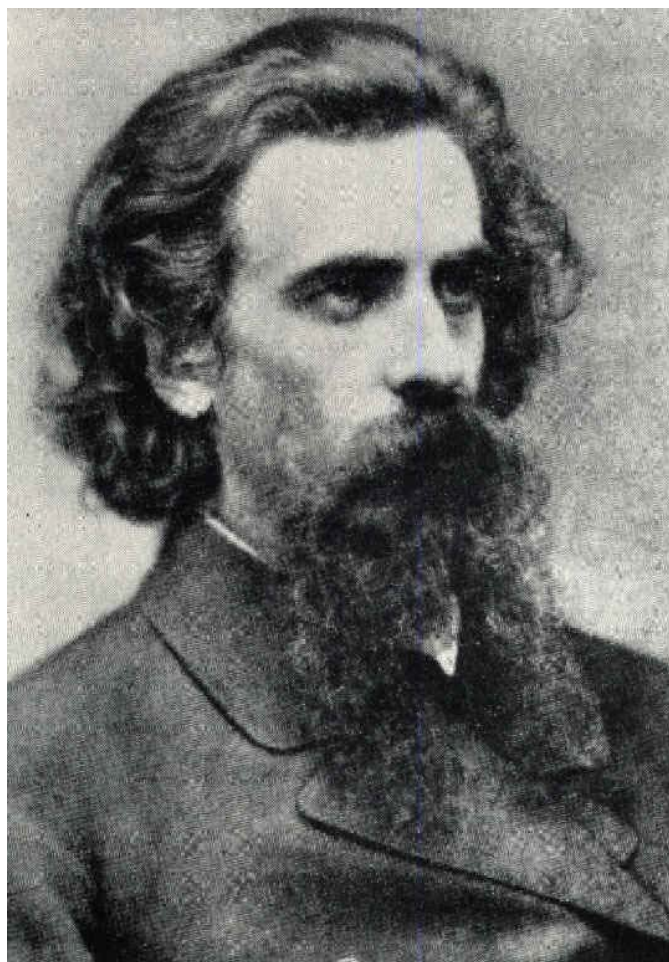
Vladimir Sergeevič Solov'ëv

*Prima traduzione integrale italiana
a cura di Dario Chioli
con la collaborazione di Mirjana Zarifović*

*Edizione elettronica e note
di Dario Chioli*

<http://www.superzeko.net>

– 2013 –

da <http://e-ducation.net/philosophers/vladim5.jpg>
Vladimir Sergeevič Solov'ëv

Premessa

Dopo cinque anni dalla riproduzione in linea delle *Poesie di Vladimir Sergeevič Solov'ëv* pubblico infine, come avevo preannunciato allora, i *Tre incontri (Tri svidanija)*, lunghissima poesia in cui Vladimir Sergeevič Solov'ëv ^a parla delle sue tre visioni di Sophia. La traduzione è stata fatta da me, con la collaborazione di Mirjana Zarifović, confrontando il testo originale russo (cfr. <http://mirosvet.narod.ru/sol/trisvid.htm>) ed alcune delle versioni esistenti (spesso poco fedeli, per la verità):

- quella inglese integrale di Ivan M. Granger, in linea all'indirizzo <http://www.poetrychaikhana.com/Poets/S/SolovyovVlad/ThreeMeeting/index.html>;
- quella francese parziale di Jacques David, in: *Anthologie de la poésie russe*, choix, traduction et commentaires de Jacques David, Stock, 1947, in linea all'indirizzo <http://www.biblisem.net/meditat/solovltr.htm>;
- quella tedesca parziale presente in: Anton Rotzetter, *Die Welt erglänzt in Gottes Farben: Visionen von der Ganzheit der Schöpfung*, Paulusverlag, Freiburg, Schweiz, 2000, in linea all'indirizzo http://books.google.it/books?id=kSmejuQ5lgsC&printsec=frontcover&hl=it&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false e all'indirizzo http://www.oki-regensburg.de/solov_16.htm;
- quella italiana molto parziale contenuta alle pp. 87-91 di Adolfo Asnagli, *L'amante della soffa. Vita e pensiero di Vladimír Sergèevič Solov'ëv*, CENS, Cernusco sul Naviglio (MI), 1990.

Chiarisco che so ben poco del russo; avendo tuttavia una certa attitudine linguistica e conoscendo l'alfabeto cirillico, con l'aiuto di Mirjana, che è di madrelingua croata, nonché di diversi dizionari e grammatiche, ho controllato ogni parola e sono riuscito a decifrare anche quei punti che sembravano più oscuri. Penso dunque che nella resa italiana possano esservi ancora delle imprecisioni, ma spero non particolarmente significative. Ad ogni modo, se qualcuno ne riscontrasse, me le segnali, le correggerò e avrà la mia gratitudine. La traduzione, che è la prima integrale, che io sappia, in italiano, vuole essere molto fedele, perché il contenuto del poema è di particolare significato filosofico e spirituale e ho voluto che apparisse con la maggior chiarezza possibile.

Torino, 28 gennaio 2013

Dario Chioli

^a Nato a Mosca il 28 gennaio 1853 e morto il 13 agosto 1900. Si noti come questa traduzione appaia esattamente a centosessant'anni dalla nascita di Solov'ëv.

ТРИ СВИДАНИЯ

поэма

Заранее над смертью торжествуя
И цепь времен любовью одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напев...

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества...

Не трижды ль ты далась живому взгляду –
Не мысленным движением, о нет! –
В предвестие, иль в помощь, иль в награду
На зов души твой образ был ответ.

1

И в первый раз, – о, как давно то было! –
Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой смутных снов.

Мне девять лет, она...⁽¹⁾ ей – девять тоже.
“Был майский день в Москве”, как молвил Фет.
Признался я. Молчание. О, Боже!
Соперник есть. А! он мне даст ответ.

Дуэль, дуэль! Обедня и Вознесенье.
Душа кипит в потоке страстных мук.
Житейское... отложим... попеченье –
Тянулся, замирал и замер звук.

Алтарь открыт... Но где священник, дьякон?
И где толпа молящихся людей?
Страстей поток, – бесследно вдруг иссяк он.
Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.

И детская любовь чужой мне стала,
Душа моя – к житейскому слепая...
А немка-бонна грустно повторяла:
“Володинька – ах! слишком он глупа!”

TRE INCONTRI

POEMA

Vinta in anticipo la morte,
E al volere del tempo sottratto,
Eterna Amica, non dirò il tuo nome,
Ma ascolta il mio trepido canto.

Senza fede nel mondo ingannevole,
Sotto la scorza grezza della materia,
Toccai un porpora incorruttibile ^b
E riconobbi la luce della Divinità...

Non ti desti forse tre volte al mio sguardo vivente? –
Non era un moto della mente, oh no! –
Quale presagio, o come aiuto, o in premio,
Al richiamo dell'anima rispose la tua immagine.

1

E la prima volta – oh, quanto tempo fa! –
Trentasei anni trascorsero
Da quando la mia anima di bambino d'improvviso avverti
Quel malinconico amore, con ansia di sogni confusi.

Io avevo nove anni e lei... ⁽¹⁾ pure nove. ^c
“Era un giorno di maggio a Mosca”, come dice Fet. ^d
Mi dichiarai. Silenzio. O Dio!
Ho un rivale. Ah! Me ne risponderà!

Duello, duello! Messa dell'Ascensione,
La mia anima ribolliva d'una corrente di appassionati tormenti.
«Di ogni giorno... mettiamo da canto... le cure» – ^e
Librandosi, il suono si spegneva e cessava.

L'altare era scoperto... Ma dov'erano il prete, il diacono?
E dove la calca di gente in preghiera?
La corrente della passione – senza lasciare traccia d'improvviso s'esaurisce.
Azzurro intorno, azzurro nella mia anima.

Compenetrata di dorato azzurro,
In mano tenevi un fiore di terre straniere,
Tu stavi là sorridendo radiosa,
Mi facesti cenno e ti nascondesti nella nebbia.

E il mio amore di bambino mi divenne estraneo,
La mia anima divenne cieca alle cose mondane...
La mia balia tedesca afflitta ripeteva:
“Volodin'ka – ah, è troppo sciocco!”

^b Ildegarda di Bingen nello *Scivias*, I, 5, collega il color porpora alla fiamma che rappresenta il mistero dell'Unità e Trinità di Dio nonché al sangue della passione di Cristo.

^c Può essere curioso notare che è la stessa età che aveva Dante Alighieri quando s'innamorò di Beatrice Portinari, probabilmente sua coetanea.

^d Afanasij Afanas'evič Fet-Šenšin, noto poeta russo (1820-1892).

^e *Ebrei* 12, 1.

Прошли года. Доцентом и магистром
Я мчуся за границу в первый раз.
Берлин, Ганновер, Кельн – в движенье быстром
Мелькнули вдруг и скрылися из глаз.

Не света центр, Париж, не край испанский,
Не яркий блеск восточной пестроты,-
Моей мечтою был Музей Британский,
И он не обманул моей мечты.

Забуду ль вас, блаженные полгода?
Не призраки минутной красоты,
Не быт людей, не страсти, не природа –
Все, всей душой одна владела ты.

Пусть там снуют людские мириады
Под грохот огнедышащих машин,
Пусть зиждутся бездушные громады,-
Святая тишина, я здесь один.

Ну, разумеется, *cum grano salis*:
Я одинок был, но не мизантроп;
В уединении и люди попадались,
Из коих мне теперь назвать кого б?

Жаль, в свой размер вложить я не сумею
Их имена, не чуждые молвы...
Скажу: два-три британских чудодея
Да два иль три доцента из Москвы.

Все ж больше я один в читальном зале;
И верьте иль не верьте,- видит Бог,
Что тайные мне силы выбирали
Все, что о ней читать я только мог.

Когда же прихоти греховные внушали
Мне книгу взять “из оперы другой” –
Такие тут истории бывали,
Что я в смущенье уходил домой.

И вот однажды – к осени то было –
Я ей сказал: “О божества расцвет!
Ты здесь, я чую,- что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?”

И только я помыслил это слово,-
Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова –
Одно ее лицо – оно одно.

И то мгновенье долгим счастьем стало,
К земным делам опять душа слепая,
И если речь “серьезный” слух встречала,
Она была невнятна и глупая.

Gli anni passano. Libero docente e dottore
Corro all'estero per la prima volta.
Berlino, Hannover, Colonia – in rapido moto
Le città improvvisamente balenano, e si nascondono alla vista.

Non a Parigi, centro del mondo, né al lontano limite ispanico,
Né al vivo bagliore del variopinto oriente –
No, il mio sogno mi portava al Museo Britannico,
Ed esso non deluse il mio sogno.

Vi scorderò mai, semestri felici? ^f
Non i fantasmi della fuggitiva bellezza,
Non la vita umana, né le passioni, né la natura –
Su tutta l'anima sola regnavi Tu.

Benché là vadano e vengano miriadi di uomini,
Col fracasso di macchine alitanti fiamme,
Benché gli edifici siano fatti senz'anima –
O sacra quiete, io là ero solo.

Bene, certamente *cum grano salis*:
Io ero solitario, ma per nulla mizantropo;
In sociale solitudine,
Quale dei miei amici nominerò ora?

È un peccato, che in questo breve spazio io non possa dar conto
dei loro nomi né del loro suono straniero...
Li elencherò soltanto: due, tre maghi britannici
E, sì, due o tre docenti di Mosca.

Così pochi [erano, ma] mi diedero il meglio, lasciandomi solo nella biblioteca;
E lo crediate o no (Dio mi è testimone),
Forze misteriose scelsero
Ogni mio libro; e lessi solamente di Lei.

Quando peccaminosi capricci suggerivano
Di guardare dentro un libro “d'un'altra opera” –
Tali storie allora accadevano,
Che in confusione me ne fuggivo a casa.

E fu qui – d'autunno –
Che le dissi: “Divino fiore, sei presente, avverto
Il tuo profumo! Perché mai non appari
Ai miei occhi da quando ero ragazzo?”

Proprio appena pensai tali parole –
Subito tutto si fece d'un dorato azzurro,
E lei ancora una volta splendette di fronte a me –
Ma solo il suo volto – il suo volto.

In quell'istante una durevole beatitudine nacque in me!
Ancora una volta la mia anima divenne cieca alle questioni mondane.
E quand'anche un “serio” discorso ascoltassi,
Esso suonava incomprensibile e sciocco.

^f Il ritmo universitario in Russia era scandito in semestri.

Я ей сказал: "Твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидеть.
Чем для ребенка ты не поспешила,
В том – юноше нельзя же отказать!"

"В Египте будь!"- внутри раздался голос.
В Париж!- и к югу пар меня песет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал, как идиот.

На Льон, Турин, Пьяченцу и Анкону,
На Фермо, Вари, Бриндизи – и вот
По синему трепещущему лону
Уж мчит меня британский пароход.

Кредит и кров мне предложил в Каире
Отель "Аббат", - его уж нет, увы!
Уютный, скромный, лучший в целом мире...
Там были русские, и даже из Москвы.

Всех тешил генерал – десятый номер –
Кавказскую он помнил старину...
Его назвать не грех – давно он помер,
И лихом я его не помяну.

То Ростислав Фаддеев был известный,
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный –
Ресурсов тьма была сокрыта в нем.

Мы дважды в день сходились за табльдотом;
Он весело и много говорил,
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил.

Я ждал меж тем заветного свиданья,
И вот однажды, в тихий час ночной,
Как ветерка прохладное дыханье:
"В пустыне я – иди туда за мной".

Идти пешком (из Лондона в Сахару
Не возят даром молодых людей,-
В моем кармане – хоть кататься шару,
И я живу в кредит уж много дней).

Бог ведь куда, без денег, без припасов,
И я в один прекрасный день пошел,-
Как дядя Влас, что написал Некрасов.
(Ну, как-никак, а рифму я нашел.)⁽²⁾

Смеялась, верно, ты, как средь пустыни
В цилиндре высочайшем и в пальто,
За черта принятый, в здоровом бедуине
Я дрожь испуга вызвал и за то

Io Le dissi: "Vedo il tuo volto,
Ma tutto di te voglio vedere.
Di ciò di cui non fosti avara col bambino,
In ciò al giovane non è ancora lecito rinunciare!"

"Va' in Egitto!" – una voce interiore proclamò.
Prima a Parigi! – la forza vapore mi portò verso sud.
Il sentimento non lottò affatto con la mente:
La mente era silenziosa, ottusa.

A Lione, Torino, Piacenza ed Ancona,
A Fermo, Bari, Brindisi – ecco!
Per la baluginante distesa azzurro scuro
Mi trasportava un piroscifo britannico.

Rifugio e credito mi furono dati al Cairo
Dall'albergo "Abate" – che ormai non c'è più, ahimè!
Comodo, modesto, il migliore di tutto il mondo...
E c'erano russi, anche di Mosca.

Tutti fummo intrattenuti dal generale – il decimo di noi –
Mentre ricordava i giorni passati nel Caucaso...
Nessun male a nominarlo ora – è morto da un bel po',
E non ho nessuna intenzione di sminuirne l'onore.

Questo Rostislav Faddeev era famoso,
soldato in congedo e maestro con la penna.
Il nome di ogni *cocotte* e di ogni *cattedrale*
Erano tesori ben nascosti in lui.

Due volte al giorno c'incontravamo a tavola.
Allegramente a lungo chiacchierava,
Non trascurando l'aneddoto piccante
E filosofeggiando energico per buona misura.

Io aspettavo, nel frattempo, il caro incontro,
E allora nell'ora silenziosa della notte,
Giunse un alito fresco come una brezza.
"Nel deserto io sono – Cercami là."

Io andai a piedi (da Londra al Sahara
Non trasportano gratis i giovani –
Nella mia tasca – ci si aggira senza ostacoli,
Ed ho vissuto molti giorni a credito).

Dove Dio mi portava, senza mezzi, squattrinato,
Anch'io un bel giorno me ne sono andato –
Come lo Zio Vlas di cui Nekrasov ha parlato.⁹
(Ecco, alla rima ci sono comunque arrivato.)⁽²⁾

Tu invero devi avere riso, quand'io camminavo nel deserto
In cappotto e cappello a cilindro.
Il mio abito strano diede a quei forti Beduini
Tale spinta, e per quello

⁹ Il riferimento è all'opera *Vlas* di Nikolaj Alekseevič Nekrasov (1821-1877).

Чуть не убит, - как шумно, по-арабски
Совет держали шейхи двух родов,
Что делать им со мной, как после рабски
Скрутили руки и без лишних слов

Подальше отвели, преблагогородно
Мне руки раз вязали – и ушли.
Смеюсь с тобой: богам и людям сродно
Смеяться бедам, раз они прошли.

Тем временем немая ночь на землю
Спустилась прямо, без обиняков.
Кругом лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мрак средь звездных огоньков.

Прилегли наземь, я глядел и слушал...
Довольно гнусно вдруг завыл шакал;
В своих мечтах меня он, верно, кушал,
А на него и палки я не взял.

Шакал-то что! Вот холодно ужасно...
Должно быть, нуль, - а жарко было днем...
Сверкают звезды беспощадно ясно;
И блеск, и холод – во вражде со сном.

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: “Усни, мой бедный друг!”
И я уснул; когда ж проснулся чутко,-
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня ⁽³⁾,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки –
Все обнял тут одни недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.

Все видел я, и все одно лишь было –
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило,-
Передо мной, во мне – одна лишь ты.

О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал...
В душе моей те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

Один лишь миг! Видение сокрылось –
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.

Io fui quasi ucciso – giacché un sedizioso
Consiglio Arabo di due sceicchi e due tribù
Decise il mio fato, mentre il loro portavoce
Legava le mie mani senza sprecare una parola.

Mi condussero lontano, e liberarono
le mie mani dalle loro corde – e mi lasciarono là.
Io ora posso unirmi alla tua risata: Dei ed uomini similmente
Possono ridere una volta che il guaio è passato.

Intanto la silente notte era calata
Giù fino a terra, detto semplicemente.
Tutt'intorno solamente silenzio io sentii
Sì, solo oscurità io vidi tra le stelle ardenti.

Giacendo a terra, io guardai ed ascoltai...
Fui spaventato dall'ululato dello sciacallo;
Stava sognando, sicuro, del prossimo pasto,
Ed io non avevo neanche un bastone.

Là fuori, l'uggiolare caldo dello sciacallo; e qui, un freddo rigido...
Zero gradi, giurerei – benché il pomeriggio fosse stato caldo...
Le stelle brillarono, spietate ed acute;
Sia luce che freddo attraversarono i miei sogni.

E a lungo io poso in un sonno agitato,
Poi un bisbiglio: “Dormi, povero amico, dormi.”
Ed io dormii; e più tardi dolcemente risvegliato –
Terra e cielo, il mondo intero odorava di rose!

Una luminosità vestita di porpora paradisiaca, te ne stavi,
Gli occhi pieni di fuoco azzurro, ^{(3) h}
Il tuo sguardo fisso era la prima vampa
Di un giorno che empie il mondo, che dà vita.

Quello che è, quello che era, quello che sempre sarà –
Tutto, tutto era qui contenuto in un solo fisso sguardo...
I mari e fiumi azzurri sotto di me,
Boschi distanti, picchi ammantati di neve.

Io vidi tutto, e tutto era uno –
Una sola immagine di femminea beltà
Incinta di immensità!
Davanti a me, in me – solamente tu.

Raggianti! Tu non puoi ingannarmi:
Io vidi tutto di te là nel deserto.
Nella mia anima quelle rose non appassiranno,
Comunque girino le onde del tempo.

Ancora solo un istante! E la visione velò.
Il sole scalò la cupola del cielo.
Silenzio, silenzio di deserto. E così la mia anima pregava,
Mentre, interiormente: una celebrazione senza fine di campane!

^h L'espressione “Очами, полными лазурного огня” è tratta da una poesia del 1° gennaio 1840 di Michail Jur'evič Lermontov (1814-1841).

Дух бодр! Но все ж не ел я двое суток,
И начинал тускнеть мой высший взгляд.
Увы! как ты ни будь душою чуток,
А голод ведь не тетка, говорят.

На запад солнца путь держал я к Нилу
И к вечеру пришел домой в Каир.
Улыбки розовой душа следы хранила,
На сапогах – виднелось много дыр.

Со стороны все было очень глупо
(Я факты рассказал, виденье скрыв),
В молчанье генерал, поевши супа,
Так начал важно, взор в меня вперив:

“Конечно, ум дает права на глупость,
Но лучше сим не злоупотреблять:
Не мастерица ведь людская тупость
Виды безумья точно различать.

А потому, коль вам прослыть обидно
Помешанным иль просто дураком,-
Об этом происшествии постыдном
Не говорите больше ни при ком”.

И много он острил, а предо мною
Уже лучился голубой туман
И, побежден таинственной красою,
Вдаль уходил житейский океан.

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества.

Предчувствием над смертью торжествуя
И цепь времен мечтою одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напев!

(1) Она этой строфы была простою маленькой барышней и не имеет ничего общего с тою “ты”, к которой обращено вступление. (Примеч. Вл. Соловьева.)

(2) Прием нахождения рифмы, освященный примером Пушкина и тем более простительный в настоящем случае, что автор, будучи более неопытен, чем молод, первый раз пишет стихи в повествовательном роде. (Примеч. Вл. Соловьева.)

(3) Стих Лермонтова. (Примеч. Вл. Соловьева.)

Pieno, il mio spirito riempito di forza! Ma vuoto, non mangiavo da due giorni,
E la mia vista remota si affievoliva.
Ahimè! Per quanto sia sensibile l'anima,
La fame non è amica, dicono.

Lungo il Nilo seguì la via del sole verso ovest
E per sera ritornai a casa al Cairo.
La mia anima tenne tracce dei tuoi sorrisi di rosa,
Mentre i miei stivali non potevano nascondere i loro molti buchi.

Gli amici mi chiamarono sciocco.
(La visione tenni segreta, sebbene i fatti fossero confessi).
Senza parole, il generale che la sua zuppa ora ha finito,
Mi fissò con un'occhiata, poi dichiarò grandiosamente:

“Amico, la ragione ti dà il diritto di essere un sciocco.
Ma è meglio non abusare del tuo diritto di nascita.
Né un un uomo abile né uno stupido
Sanno abilmente trovare un varco nella stupidità.

“Quindi, se sei offeso
Perché ti credono un idiota –
Allora di questo caso ridicolo assolutamente idiota
Non parlare più.”

Oh, lui era generoso delle sue beffe, ma di fronte a me
L'etere blu ancora splendeva brillante
E, disperso da quel misterioso splendore,
Il mare degli affanni scivolò via lontano.

Ancora ero schiavo del mondo vano,
Ma sotto la scorza di grezza materia,
Eterno violetto vidi chiaramente, un ricco porpora regale,
E avvertii il caldo tocco della luce divina!

Trionfando sulla morte nella luce della saggezza,
Trattenendo il sogno del tempo dal suo volo inflessibile,
Eterna Adorata, il tuo nome è tenuto nascosto nel mio più alto stato,
E perdona la mia canzone timorosa!

1875

(1) Quella di cui si parla in questo verso era solo una giovin signora e ciò non ha nulla a che fare con quel “tu”, a cui è indirizzato il proemio (Nota di Vl. Solov'ëv).

(2) Il criterio di trovare rime è consacrato dall'esempio di Puškin e a maggior ragione perdonabile in questa circostanza, perché l'autore era ancora inesperto, essendo giovane, alle prime armi nel comporre poesie di genere narrativo (Nota di Vl. Solov'ëv).

(3) Verso di Lermontov (Nota di Vl. Solov'ëv).